

Олег Роменко

Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах: «Дрон», «Наш современник», «Нева», «Север», «Нижний Новгород», «Дон», «День и ночь», «Ротонда», «Северо-Муйские огни» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

Русские стихи Виктора Петрова

Как у профессиональных русофобов ненависть к России давно превратилась в религию, так у всех русских по духу людей подлинной религией была, есть и будет Россия, которую мы любим и боготворим не потому, что это наше Отечество, а потому, что это Россия. И в этом я в очередной раз убедился, познакомившись с новой книгой поэта Виктора Петрова «Храм на холме», вышедшей в московском издательстве «Вест-Консалтинг» в 2023 году. Сам автор книги хорошо и давно известен читателю как поэт, публицист и редактор ростовского литературного журнала «Дон», имеющего легендарную историю. Виктор Петров также является автором девятнадцати книг и лауреатом Всероссийской литературной премии имени М. А. Шолохова, премии журнала «Юность», победителем Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», удостоен европейской медали Франца Кафки.

Я не буду касаться таких формалистских вещей, как разноплановые лексические приёмы или особые речевые и стилистические характеристики, которыми иные записные критики способны засушить читателя, как паук пойманную им в западню муху, потому что это не только не гуманно, но и бессмысленно. Так, например, я отметил, что автор книги «Храм на холме» избегает глагольных рифм. Но разве это может говорить о чём-то значимом? В своё время Есенин кричал Мандельштаму: «Вы плохой поэт! У вас глагольные рифмы!» Теперь, сто лет спустя, никто не оспаривает, что и Сергей Есенин, и Осип Мандельштам оба хорошие поэты, а истина, как всегда, где-то посередине: избегать глагольных рифм, конечно, не стоит, но и злоупотреблять ими тоже было бы нежелательно.

Не претендуя на лавры профессиональных критиков, позволю себе высказать своё читательское мнение о «Храме на холме». Книга открывается стихотворением «Азимут». В последнее время смешение кириллицы и латиницы в словах русского языка приняло эпидемиологический характер. Недавно один мой знакомый, стремящийся всегда «быть в тренде», выпустил сборник стихотворений, на обложке которого значилось — «СлѐЗы Войны». Если этот процесс будет продолжаться в том же духе, то скоро найдутся желающие провести «реформу» русского алфавита, изъяв из него буквы «З» и «В» и заменив их латинскими Z и V, для начала.

Что касается «Храма на холме», то не могу сказать, что автор книги злоупотребляет иностранными символами. Более того, в таком слове, как «азимут», что по-нашему, по-простецки означает — «путь», «направление», «цель», буква Z выглядит вполне органично, как символ, проливающий свет на выбранный путь.

Все мы помним, что накануне СВО на границе с Украиной проводились военные учения российской армии. Как принято в таких делах, группировку войск разделили на две противоборствующих стороны, обозначив на военной технике двух армий, «своей» и «противника», белой краской: Z-запад и V-восток. Но сейчас, почти два года спустя, пришло иное понимание этих символов. Z — это не только последняя буква английского алфавита, это ещё и последнее предупреждение человечеству и, в большей степени, сильным мира сего, затеявшим новый передел ресурсов на планете, где теперь уже Россия — главный приз и лакомый кусок. Z — это ещё и последняя черта, за которой маячат всадники Апокалипсиса, та самая не популистская и резиновая «красная линия», а настоящая красная, потому что она кровит. И Виктор Петров постиг эту мысль своим острым поэтическим чутьём:

*Кровит последняя черта,
И по квадратам бьёт арта,
И холодеет крик у рта.
А снег — не снег... То вьюжит прах...
И подступает к сердцу страх
За родину мою в снегах.*

Истоки нашей сегодняшней драмы автор видит, как и многие его современники, в геополитической катастрофе Советского Союза, как сказал российский президент после бесланской трагедии: «Мы проявили слабость, а слабых бьют».

*Когда спускали красный флаг
С крестом серпа и молота,
То ликовал заморский враг,
Что Русь моя расколота.
И гимн звучал как скорбный блюз,
Вскрывая звуком вены мне.
Так нерушимый наш Союз
Разрушен был в мгновение.*

Одной из главных причин этой беды стало массовое равнодушие, когда люди обычно говорят: «Да гори оно всё синим пламенем». И я думаю, что не случайно именно это выражение и употребил Виктор Петров, когда писал о распаде нашей страны:

*Была страна, и нет страны —
Сгорела синим пламенем.*

«Бойтесь людей равнодушных, — говорил расстрелянный в нацистской тюрьме Юлиус Фучик, — именно с их молчаливого согласия происходят все самые ужасные

преступления на свете». И вот теперь пожинаем плоды, о чём с болью в сердце говорит поэт:

*Сберечь могли... И не смогли,
И на страданье обрекли
Одну шестую часть Земли.*

В стихотворении «Браты» Виктор Петров по-своему переосмысливает повесть Гоголя «Тарас Бульба» сквозь призму последних событий нашей современности. Прошли столетия, а образы двух братьев, Остапа и Андрия, первый из которых принял мученическую смерть за своё Отечество, потому что был уверен, что нет уз святее товарищества, а второй предал Русскую землю и погубил себя ради любви к панночке, — сейчас более, чем когда-либо в нашей общей русско-украинской истории, будоражат умы соотечественников. Как могло с нами такое случиться, что:

*Бьются братья смертным боем —
Брату брат уже не брат.
Столкновенье лобовое,
Мат стоит да перемат.*

Люди одной крови, одной веры, одного языка вынуждены убивать друг друга, словно заклятые враги, которым не суждено жить рядом под одним небом. Не иначе, здесь не обошлось без нечистой силы, уверен Виктор Петров:

*Выгорело чисто поле,
Крыто залповым огнём.
И с Андрием дьявол в доле,
Плачет панночка о нём.*

И высшая степень накала этой духовной брани в душе поэта выплеснулась в такие строки:

*Близок холод, лютый холод —
Жизни прежней больше нет:
Сердце так и ходит, ходит,
Разорвав бронезилет.*

Здесь мне сразу вспомнились слова из знаменитого пронзительного стихотворения Константина Симонова: «По русским обычаям, только пожарища / На русской земле раскидав позади, / На наших глазах умирали товарищи, / По-русски рубаху рванув на груди».

Ещё одно пересечение нашей истории и современности я увидел в стихотворении «Азимут», в котором автор книги пишет о себе:

*Я родился в Авдеевке,
А крещён был в Успенке.
Сколь разора содеяно —
За такое бы к стенке!*

Когда немцы потерпели поражение на Курской дуге, то самым оголённым у них оказалось южное направление, куда и устремились советские войска. Чтобы задержать это наступление, командовавший группой армии «Юг» Манштейн применил тактику выжженной земли в Донбассе, за что Нюрнбергский трибунал признал его военным преступником, но к стенке, к сожалению, не поставил. Теперь идейные наследники Манштейна применили на этой же самой многострадальной земле тактику забетонированной земли, об которую уже разбилось больше русских судеб, чем за время десятилетней войны в Афганистане.

Конечно, не всё так печально в «Храме на холме», автор то и дело подбадривает читателя, например такими словами:

*А ну, прибалты, от винта,
И шла бы, шляхта, далее!..
Где Бранденбургские врата
И где рейхсканцелярия?*

Но не будем сыпать соль на раны «рассерженным патриотам», неустанно задающим вопросы власти насчёт нанесения ядерных ударов по центрам принятия решений. Да и сам Виктор Петров не питает иллюзий в свете крайне напряжённой международной обстановки:

*Что же будет? Ветер будет
Над сгоревшим полем выть
И, как датский принц, рассудит:
Быть — кому? кому — не быть?*

И вот здесь, прежде чем поразмышлять над гамлетовским вопросом, я бы хотел коснуться религиозной темы. Меня сильно поразили такие слова автора:

*Прощай, советский крест — серпа
И молота скрещение!*

Это очень глубокий образ, в котором заложена мысль длинная, как сказочный клубок шерсти, способный увести на край света, но только там и можно найти ответ: быть нам или нет?

Наверное, не случайно советское государство, выступившее ниспровергателем исторической православной России, увенчало своё приводящее в ужас врагов и в восхищение друзей знамя животворящим крестом серпа

и молота. И распалось советское государство тогда, когда распалась эта самая смычка города и деревни — серп крестьянина и молот рабочего.

К моменту своего крушения рабоче-крестьянское государство уже таковым не являлось по факту и больше напоминало прогнивший улей, переполненный трутнями. Деревни обезлюдели, и с уборкой урожая колхозам помогали горожане, включая школьников, а на заводах численность рабочего класса не превышала двадцати процентов от общего числа сотрудников.

Как же дошли мы до жизни такой? После смерти Сталина начался стремительный отток сельских жителей в обескровленные войной города. Вчерашние крестьяне сочли для себя за благо стоять у станка, а не пахать в поле, но детям своим они желали уже совсем другой доли и готовили их в «белые воротнички». Не прошло и полвека, как русский социум переродился до неузнаваемости и превратился, со скидкой на художественное преувеличение, в пресловутые Содом и Гоморру. Обрушившиеся на наши головы вместо серы и пепла «лихие девяностые» — яркое тому подтверждение.

Но что же удерживает до сих пор Россию в этом мире после стольких обрушившихся на неё несчастий, особенно в последнее время? Из Священного Писания мы знаем, что мир держится на праведниках. «Не истреблю и ради десяти», — сказал Господь Аврааму. И я уверен, что у нас в стране их не десять, и не сто, а гораздо больше. Об одной такой праведнице, своей бабушке, и вспоминает Виктор Петров в стихотворении «Успенский колодец».

*... Теперь потише, тише, вороток.
Глядеть в колодец, как в себя глядеться.
Я тоже вдовый бабушкин платок
Запомнил с детства.*

*Такою худенькой была она,
Но словно отводила все невзгоды.
По ней узнал, как тяжела война
И недороды.*

Уставший от двадцатого века и его окровавленных рек поэт Владимир Соколов написал: «Я давно уже не человек. / Я давно уже ангел, наверно...» И это не ради красного словца было им сказано. Если мы даже по обрывочным рассказам наших бабушек и дедушек вспомним, что выпало на их долю, то легко убедимся и согласимся, что при жизни они были святыми людьми, а потом стали нашими незримыми заступниками и ходатаями за Россию перед Богом. Потому так трогают и ободряют душу читателя русские стихи Виктора Петрова:

*Ещё висят по хатам образа —
Ищу я в них черты родных, знакомых...
Устиньи Харитоновны глаза
На тех иконах.*

В Книге пророка Исаии сказано: «И будет в последние дни, гора дома Господня будет поставлена во главу гор и возвысится над холмами, и потекут к ней все народы». Об этом же говорится и в краткой аннотации к «Храму на холме»: «Храм на холме воздвигнут истой верой, и возносимый им крест благословляет русские пределы — таков посыл новой стихотворной книги Виктора Петрова».